

УДК 32.001–048.35

UDC 32.001–048.35

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ

MODERNIZATION OF POLITICAL SPHERE

Ю. П. Бондарь,

*кандидат политических наук, доцент,
ректор Белорусского государственного
университета культуры и искусств*

Yu. Bondar,

*Candidate of Political Science, Associate
Professor, Chancellor of Belarusian
State University of Culture and Arts*

Поступила в редакцию 14.01.16.

Received on 14.01.16.

Раскрывается специфика модернизации политической сферы в постсоветском обществе в контексте современного процесса демократизации государства и социума. Отмечается, что политическая модернизация предполагает эволюционные преобразования, основывающиеся на принципах, нормах и процедурах, принятых в современном мире. Подвергается критике точка зрения тех политологов, которые позиционируют демократию в западных странах в качестве универсальной и обязательной для других стран, в том числе и постсоветских. Подчеркивается, что национальные формы демократии, а следовательно, и политической модернизации являются многовариантными, поскольку представляют собой продукт традиций, социальных обстоятельств, национальных интересов, партийных устремлений и властных отношений. Поэтому ни одна политическая система не может претендовать на универсальность своей демократии. Акцентируется внимание на том обстоятельстве, что подлинная демократизация постсоветского общества возможна лишь на основе собственных национальных традиций и исторического опыта народа, а стратегический вектор политической модернизации в Беларуси направлен на строительство народного государства.

Ключевые слова: модернизация, политическая трансформация, политическая культура, демократия, исторические традиции, плюрализм, постсоветский транзит.

The article considers the peculiarities of political sphere in the post-Soviet society within the context of modern process of democratization of state and society. The author points out that political modernization presumes evolution changes, which are based on principles, norms and procedures implemented in the modern world. The article criticizes the point of view of those political scholars, who consider democracy in the Western countries as universal and obligatory for other, including the post-Soviet ones. The author emphasizes the fact, that national forms of democracy and, thus, of political modernization have a lot of variants, since they are a product of traditions, social obligations, national interests, political parties' aims and power relations. Thus, no political system can not claim the universality of its democracy. Specificity of the modernization of the political sphere in post-Soviet society in the context of the current process of democratization of state and society is considered. The attention is focused on the fact that genuine democratization of the post-Soviet society is possible only on the basis of their own national traditions and the historical experience of the people, while the strategic vector of political modernization in Belarus is oriented towards people's state building.

Keywords: modernization, political transformation, political culture, democracy, historical traditions, pluralism, post-Soviet transit.

Модернизация политической сферы предполагает эволюционные изменения в государственном правлении и гражданском обществе, основывающиеся на апробированных практикой принципах, нормах и процедурах современной демократии.

Наукой установлено, что демократия – объективно необходимое средство достижения общественного благополучия, легитимации и ограничения власти, стимулирования политического участия граждан. Ключевой критерий ее жизнеспособности и условие воспроизводства – реализация идеалов и ин-

тересов социума, возможность избегать возникновения ситуаций, которые толкают государственные институты и других политически значимых субъектов к недемократическим методам поведения [1, с. 320, 322, 378].

Исторический опыт демократизации, механизмы, закономерности и особенности ее практического осуществления, несовпадение динамики и результатов в разных странах и регионах мира – предмет творческого осмысления и дискуссий профессионалов. Это научное направление находится в состоянии неустоявшихся, по преимуществу

фрагментарных методологических идей, неупорядоченных концептов, суждений и предположений.

И. Шапиро, профессор кафедры политической науки Йельского университета (США) доказательно констатировал, что «потоки литературы, из которой вырастают нормативные и объяснительные теории демократии, движутся в основном по раздельным руслам. Их авторы по большей части не осведомлены о том, что происходит в смежной области». Теоретизирование на тему о «должном» не одушевляется соответствующим знанием о «сущем и осуществимом». По этой причине «объяснительная теория сама по себе слишком легко становится тривиальной и зависимой от метода, если она изолирована от тех неотступных забот нормативного свойства, коим продиктована всеобщая заинтересованность в демократии в последние десятилетия» [2, с. 6].

Плюрализм и полемичность мнений о предпосылках, идеалах, институциональных формах, дилеммах и методах демократии – характерная черта дискурса не только нынешних теоретиков, но и философов прошлых эпох. Как отмечал американский политолог *Р. Даль*, на протяжении более двух тысячелетий демократия по-разному внедрялась в жизнь, объяснялась, оспаривалась, порицалась, замалчивалась, уничтожалась, возрождалась [3, с. 9]. Этот ученый предложил концепцию *полиархии* – государственного правления, основывающегося на принципах либеральных свобод и плюрализма, политической конкуренции и широкого политического участия граждан.

Понимание роли, сути, методов демократического правления непрерывно эволюционировало, корректировалось под влиянием реальных социально-политических процессов. Нынешние представления о демократии порождены переменами в XX в. Превалирует убеждение, что она желательна, жизненно необходима, способна гарантировать политические и гражданские права личности. Но предмет полемики о характере, особенностях, тенденциях, условиях, закономерностях демократизации, ее взаимосвязи с глобализацией не исчерпан.

Надо признать, что эвристический потенциал концепций «вестернизации», позиционирующих либеральную демократию в западных странах как источник прогрессивных преобразований, образец для подражания в глобальном мире, уязвим. Почему он не

приемлем для объяснения тенденций, закономерностей, уникальности демократизации на постсоветском пространстве? На этот вопрос удачно ответил в своей статье *Д. А. Медведев*, не затрагивая сущности теорий, претендующих на универсальность: «Российская демократия не будет механически копировать зарубежные образцы. Гражданское общество не купить за иностранные гранты. Политическую культуру не переделывать простым подражанием политическим обычаям передовых обществ. Эффективную судебную систему нельзя импортировать. Свободу невозможно выписать из книжки, даже если это очень умная книжка. Мы, безусловно, обязательно будем учиться у других народов. Будем перенимать их опыт, учитывать их успехи и просчеты в развитии демократических институтов. Но никто не проживет нашу жизнь за нас. Никто не станет за нас свободными, успешными, ответственными. Только наш собственный опыт демократического строительства дает нам право утверждать: мы свободны, мы ответственны, мы успешны» [4].

В начале 1990-х гг. отечественные политологи не критически воспринимали идеи, концепты, допущения, гипотезы, постулаты «транзитологии». Редко высказывались суждения о сомнительности выводов об «универсальности» стандартов европейской демократии. Это дало повод американскому исследователю *Дж. Сартори* заявить, что политологи переходных регионов не критически и не всегда компетентно заимствуют концепты демократизации. Необходимо учитывать серьезные пробелы в эпистемологии науки, а также то обстоятельство, что чем дальше мы продвигаемся в методологии познания практики, тем обширнее оказывается неизведанное политическое пространство. Если количественный анализ не в состоянии решить наши проблемы в том смысле, что мы не можем измерять постигаемую реальность, и если наши суждения, теоретические обобщения носят абстрактный характер, необходимо ревизовать и творчески обновлять инструменты познания наблюдаемых явлений [5, с. 69].

Постигая сущность, направления и результаты политической трансформации, отечественные ученые осознали несовершенство европейского и американского инструментария для исследования демократизации постсоветских обществ. Становится все более явным, что методологический плюра-

лизм в познании демократических изменений в мире, если он не измеряем достоверными эмпирическими данными, не приносит желаемые плоды – не способен удовлетворить запросы науки и практики.

В трансформирующемся мире нормы демократии реализуются нединамично. Это, как показывают исследования, обусловлено многими факторами: различиями, неравномерностью в социально-экономическом развитии; своеобразием исторического опыта, условий бытия и традиций народов; кризисом либеральных ценностей; обострением глобальных проблем человечества; неурядицами, конфликтами и противоречиями современной эпохи. Негативное влияние на процессы демократизации в мире оказывает и научная неопределенность в объяснении условий, моделей, закономерностей, критериев политических изменений. Неясность, незавершенность объяснительных конструктов могут усугублять неуверенность в жизнеспособности демократических механизмов регулирования социальных отношений, тормозить политические изменения в переходных обществах.

В России и Беларуси обозначились качественные перемены в теоретическом объяснении специфики политических трансформаций, демократических форм правления в современном мире и транзитных обществах. По мере накопления эмпирических данных корректируются и углубляются представления о специфических механизмах демократических преобразований, тенденциях и проблемах эволюции политических систем. Институциональные изменения, нелинейные и противоречивые тенденции в демократизации политической жизни мира составляют фактографический базис критического осмысления устаревших концептов, обоснования альтернативных методов анализа транзитных процессов.

Приходит понимание того, что гносеологические дилеммы могут быть разрешены только на платформе концептуализации специфичного постсоветского политического пространства, свободного поиска истины, плюрализма и консенсуса, творческого использования политического анализа (эмпирического и нормативного) как инструмента познания действительности.

Становится очевидным, что постсоветский транзит является вызовом и для политической практики, и для политической науки. Уязвимость прежних (западных, «модель-

ных») трактовок демократической эволюции, уникальные проявления, парадоксы и деструктивные процессы в реформаторской политике на постсоветском пространстве стимулировали производство диверсифицированных методологических подходов к познанию характера и национальных особенностей политических перемен. Обоснование *новой парадигмы анализа демократизации*, ее верификация практикой представляется как ключевая задача творческого поиска и коммуникации политологов.

Большинство аналитиков не разделяет мнение о противопоказанности для переходных обществ норм и процедур демократии, апробированных в европейских странах, но и не отрицается возможность появления иных, качественно полноценных моделей демократического устройства [6]. Стратегический вектор модернизации Беларуси и России, нацеленный на строительство демократического, правового, социального государства, подтверждается опытом и научными результатами.

В фокусе внимания ученых – *нединамичность демократизации*, бюрократические тенденции в регулировании переходных процессов, неопределенность и противоречивость политических изменений, ослабляющих потенциал реформ, базовых ценностей.

Анализируя концептуальные несоответствия в науке, внутренние и внешние условия демократического развития, Ю. А. Красин обозначил когнитивную проблему: «как совместить свободу индивида, необходимую для раскрытия его способностей, с устройством социума, обеспечивающим эту свободу для всех и приводящим в движение великую силу общественной солидарности» [7, с. 131].

В научных трудах белорусских и российских политологов анализируются позитивные и негативные тенденции в развитии демократии западных стран и переходных обществ. Отмечается, что правящие элиты, испытывающие искушение властью, зачастую используют средства манипуляции мнением избирателей, выходят из-под контроля граждан. Чтобы сохранить демократию как систему народовластия, необходимо «*выйти за рамки*» либеральной модели. Абсолютизация свободных и прозрачных выборов, структурно организованной конкуренции за власть сужает понимание демократии как базовой ценности. Демократия – не только метод правления, цивилизованные проце-

дуры избрания кандидатов на государственные должности, противодействие монополизму власти, сознательное политическое участие граждан. Это образ жизни социума, ключевой индикатор зрелости его политической культуры, достигнутого уровня цивилизованности. Главный критерий ее воплощения в социальную практику – модернизация общественного бытия на принципах справедливости и политического равенства, выражения и реализации национальных идеалов и интересов.

Негативный опыт внедрения либеральной модели демократии в постсоветских странах в 1990-е гг. породил массовое недоверие к ее предпочтениям и стереотипам. Неумелые попытки реформаторов воспроизвести западную версию демократизации, игнорирование ими национальных особенностей и исторических традиций обернулись несправедливостью в приватизации государственной собственности, правовым нигилизмом, социальным неравенством, отчуждением граждан от власти. Результаты проводимых реформ, разрушительные последствия мирового кризиса 2008–2009 гг. не только подорвали доверие к либерализму как идеологии и политической практике, но и ко всей западной политике в отношении постсоветского общества.

Разрабатываются новые концепты познания электорального выбора, мотивации поведения избирателей в транзитных обществах [8, с. 125]. Анализируются возможности и недостатки традиционных подходов – социологического, социально-психологического и рационального выбора. Обосновывается необходимость их конкретизации и обогащения на основе изучения особенностей информационной среды и политической компетентности избирателей.

Доктор философских наук А. В. Лукин обращает внимание на изъяны политических предпочтений демократов-западников, которые существенно влияют на электоральный выбор и общественное мнение. Есть все основания предполагать, – пишет он, – что их идеи не «приживутся» на российской почве. Как и ранее, восприняты лишь некоторые элементы либеральной демократии. Проводимые реформы не благоприятствуют укоренению фундаментальных демократических идей и ценностей [9, с. 64].

Взыскательно оценивает и объясняет эволюционные изменения в политической системе России профессор И. К. Пантин. Его

выводы нацелены на преодоление опасных «болезней» демократизации: разочарование граждан в преобразованиях, неэффективность институтов государства, бюрократизм, социально-экономическое и духовное неблагополучие. Для демократической трансформации, как он считает, недостаточно завоевания власти и заимствования из мирового опыта строительства полиархии. Необходим «подъем масс, материальный и моральный, не говоря уже о политическом» [10, с. 143].

Аргументированная трактовка предпосылок и перспектив демократизации России дана в книге профессора Я. А. Пляйса. Его концептуальный вывод заключается в том, что в стране функционирует неполноценная представительная власть. Она является придатком исполнительной власти, не способна противостоять ее монополизму, контролировать действия политической элиты [11, с. 150–151].

Кризисные тенденции характерны и для стран «старой» демократии: наблюдаются такие явления, как ослабление влияния граждан на власть и реальную политику, «разблокирование» механизма чередования партий у власти, рост недоверия людей к выборам, представительным учреждениям и партийным структурам, непрофессионализм бюрократии, нарушения правопорядка, рост организованной преступности и коррупции [12, с. 388–391].

Исследователи интерпретируют навязываемые транзитным обществам представления о демократии и правах человека как идеологию американского геополитического доминирования, инструмент воздействия на внутреннюю и внешнюю политику государств. Ее предназначение – оправдание «гуманитарной интервенции» и военных акций в обход решений ООН, беспрепятственного «экспорта» западных ценностей. Публично США позиционируют такую демократизацию, как идеологию транснациональной солидарности [13, с. 189].

Часто говорят – права человека первичны по отношению к государственному суверенитету. Без сомнения, это так – преступления против человечества должны караться международным судом. Но когда при использовании этого положения легко нарушается государственный суверенитет, когда права человека защищаются извне на выборочной основе – и в процессе «защиты» попираются такие же права массы людей, включая базо-

вое и святое право на жизнь, – речь идет не о благородном деле, а об элементарной демагогии.

В свете этого суждения выглядит парадоксальным отношение США и Евросоюза к Беларуси. Требуя от власти суверенного государства демократизации «в полном объеме» и прибегая к политическим и экономическим санкциям, зарубежные радетели прогресса наносят трудно поправимый урон имиджу демократии как высшей ценности современной цивилизации. Уровень демократии в обществе зависит от уровня его социально-экономического благополучия и национальных особенностей. Универсальной модели демократизации нет. Беларусь целенаправленно следует по пути демократизации государственного и общественного устройства. Но движется *постепенно*, по мере развития экономики, расширения частной собственности, роста политической культуры и ответственности государственной власти и граждан.

Сегодня очевидно, что в вопросе о демократии необходимо учитывать концептуальные идеи о конкретно-историческом, культурно-национальном измерении демократизации. Универсальных технологических рецептов демократического переустройства бытия не существует. Механически, некритически заимствовать западные образцы – значит совершать грубую ошибку. Национальные формы демократии *многовариантны*; они продукт социальных условий и обстоятельств, интересов, рациональных действий и отношений властных структур. Ритмы и типы политического развития переходных обществ и стран Запада не совпадают, что затрудняет обоснование закономерностей демократизации. В этом контексте важно понимать, что ни одно политическое устройство не может претендовать на всеобщность своей демократии.

Средства и методы властвования, нормы отношений институтов власти с гражданским

обществом, динамика политической модернизации, социальная продуктивность государственного управления, образ политиков в общественном сознании – эти направления составляют основу проблемного поля познания демократического транзита постсоветских обществ.

Перспективы демократизации в мире неразрывно связаны с кардинальными переменами в технологическом базисе политики, сфере коммуникации мирового сообщества. Стремительно обновляются информационные средства, методы и формы влияния на общественное сознание и поведение. Интернет, телевидение, политическая периодика, кинематограф активно и неоднозначно воздействуют на геополитическую ситуацию, модернизацию транзитных обществ.

Движение государств и народов к демократии и благоустроенной жизни бесперспективно пытаться ускорить «шоковой терапией», форсированием преобразований в ущерб качеству жизни граждан. Вместе с тем возможности для достижения идеала расширяются, если институты власти удовлетворяют интересы народа, а гражданское общество контролирует правительство, отличается высоким уровнем политической культуры.

Как в прошлом веке, так и сегодня актуально суждение А. Токвиля о главных предпосылках прогресса человечества: «Обучать людей демократии, возрождать, насколько это возможно, демократические идеалы, регулировать демократические движения, постепенно приобщать граждан к делам управления государством, избавляя их от неопытности в этих вопросах и вытесняя их слепые инстинкты осознанием своих подлинных интересов; изменять систему правления сообразно времени и месту, приводя в соответствие с обстоятельствами и реальными людьми, – таковы важнейшие из обязанностей, налагаемых в наши дни на тех, кто управляет обществом» [14, с. 30].

ЛИТЕРАТУРА

1. Шумпетер, Й. Капитализм, социализм и демократия / Й. Шумпетер ; пер. с англ., общ. ред., предисл. В. С. Автономова. – М. : Экономика, 1995. – 540 с.
2. Шапиро, И. Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики / И. Шапиро // Полис. – 2004. – № 3. – С. 6–15.
3. Даль, Р. О демократии / Р. Даль. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 203 с.

REFERENCES

1. Shumpeter, Y. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya / Y. Shumpeter ; per. s angl., obshch. red., predisl. V. S. Avtonomova. – M. : Ekonomika, 1995. – 540 s.
2. Shapiro, I. Pereosmyslivaya teoriyu demokratii v svete sovremennoy politiki / I. Shapiro // Polis. – 2004. – № 3. – S. 6–15.
3. Dal, R. O demokratii / R. Dal. – M. : Aspekt Press, 2000. – 203 s.

4. *Медведев, Д. А.* Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности: выступление на пленарном заседании мирового политического форума / Д. А. Медведев // Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/8887>.
5. *Сартори, Дж.* Искажение концептов в сравнительной политологии / Дж. Сартори // Полис. – 2003. – № 3. – С. 67–77.
6. *Политическая наука современной России: время поиска и контуры эволюции* : сб. ст. / отв. ред. А. И. Соловьев. – М. : ИНИОН РАН, 2004. – 456 с.
7. *Красин, Ю. А.* Метаморфозы демократии в изменяющемся мире / Ю. А. Красин // Полис. – 2006. – № 4. – С. 127–137.
8. *Пушкарева, Г. В.* Изучение электорального поведения: контуры когнитивной модели / Г. В. Пушкарева // Полис. – 2003. – № 3. – С. 120–130.
9. *Лукин, А. В.* Мифы о российской политической культуре и российская история / А. В. Лукин, П. В. Лукин // Полис. – 2009. – № 1. – С. 56–70.
10. *Пантин, И. К.* Российский выбор: сделан, отсрочен, отменен? / И. К. Пантин // Политико-философский ежегодник. – 2010. – Вып. 3. – С. 119–144.
11. *Пляйс, Я. А.* Политология в контексте переходной эпохи в России / Я. А. Пляйс. – М. : РОССПЭН, 2010. – 447 с.
12. *Политические институты на рубеже тысячелетий* / отв. ред. К. Г. Холодковский. – Дубна : ООО «Феникс +», 2001. – 480 с.
13. *Кизима, С. А.* Вызовы западного глобализационного проекта и национальное государство / С. А. Кизима. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2008. – 266 с.
14. *Токвиль, А.* Демократия в Америке / А. Токвиль. – М. : Весь мир, 2000. – 560 с.
4. *Medvedev, D. A.* Sovremennoye gosudarstvo: standarty demokrati i kriterii effektivnosti: vystupleniye na plenarnom zasedanii mirovogo politicheskogo foruma / D. A. Medvedev // Ofitsialnyy sayt Prezidenta Rossiyskoy Federatsii [Elektronnyy resurs]. – 2010. – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/transcripts/8887>.
5. *Sartori, Dzh.* Iskazheniye kontseptov v sravnitelnoy politologii / Dzh. Sartori // Polis. – 2003. – № 3. – S. 66–67.
6. *Politicheskaya nauka sovremennoy Rossii: vremya poiska i kontury evolyutsii* : sb. st. / отв. red. A. I. Solovoyov. – M. : INION RAN, 2004. – 456 s.
7. *Krasin, Yu. A.* Metamorfozy demokrati v izmenyayushchemsya mire / Yu. A. Krasin // Polis. – 2006. – № 4. – S. 127–137.
8. *Pushkaryova, G. V.* Izucheniye elektoralnogo povedeniya: kontury kognitivnoy modelii / G. V. Pushkaryova // Polis. – 2003. – № 3. – S. 120–130.
9. *Lukin, A. V.* Mify o rossiyskoy politicheskoy culture i rossiyskaya istoriya / A. V. Lukin, P. V. Lukin // Polis. – 2009. – № 1. – S. 56–70.
10. *Pantin, I. K.* Rossiyskiy vybor: sdelan, otsrochen, otmenyon? / I. K. Pantin // Politiko-filosofskiy yezhegodnik. – 2010. – Vyp. 3. – S. 119–144.
11. *Plyays, Ya. A.* Politologiya v kontekste perekhodnoy epokhi v Rossii / Ya. A. Plyays. – M. : ROSSPEN, 2012. – 447 s.
12. *Politicheskiye instituty na rubezhe tysyacheletiy* / отв. red. K. G. Kholodkovskiy. – Dubna : ООО "Feniks +", 2001. – 480 s.
13. *Kizima, S. A.* Vyzovy zapadnogo globalizatsionnogo proyekta i natsionalnoye gosudarstvo / S. A. Kizima. – Minsk : Akad. upr. pri Presidente Resp. Belarus, 2008. – 266 s.
14. *Tokvil, A.* Demokratiya v Amerike / A. Tokvil. – M. : Ves mir, 2000. – 560 s.